

Эренбург Илья Зельманович

Россия, Москва

Март .2008 г.

Здравствуйтесь уважаемые господа!

Сердечно благодарю Вас и всех членов Вашей общественной организации за столь внимательное отношение к нам, бывшим военнопленным и узникам концлагерей, пережившим все ужасы войны, истязания и унижения плена, голод и смерть. Ваши сопереживания за причинённые в войну страдания мне вполне понятны и лично у меня к народу Германии нет зла и ненависти. Немецкому народу тоже пришлось многое пережить за время фашистского режима. На Вашу просьбу коротко сообщая.

В сентябре 1941 г. я был ранен и в бессознательном состоянии оказался в плену. В течение двух с лишним месяцев меня вместе с остальными пленными перегоняли из одного лагеря в другой на территории Белоруссии и Польши. Лагеря представляли собой открытую территорию без каких-либо построек, окружённую колючей проволокой. Мы были полураздеты, на нас было только нательное бельё. У нас не было посуды, да и кормили не каждый день, и на всех не хватало. Многие мои товарищи погибли от холода, голода и от пуль, выпущенных развлекающимися на вышке охранниками, которые стреляли в нас как по мишени. В целях безопасности я назвался Лебедевым Ильёй Захаровичем и под этой фамилией был до возвращения в ряды Советской Армии. В декабре 1941 г. меня привезли в Германию под город Кюстрин, в лагерь «III-C», где мне повесили нагрудный знак 15624 и направили в так называемый «лазарет», расположенный внутри лагеря и отгороженный от остальных блоков двумя рядами колючей проволоки. В «лазарете» было 8 бараков: 2 барака для службы лазарета и 6 для размещения больных, по 250 человек в каждом. Меня разместили в барак «С», где инфекционные больные и раненные находились вместе. Медицинскую помощь не оказывали. На нас проводили эксперименты. Вводили шприцем в левую грудную мышцу и в вену какие-то препараты. Каждую неделю мы сдавали по 2-3 пробирки крови, а один раз в месяц у нас брали кровь до 1 стакана. За время пребывания в «лазарете» я перенёс сыпной и брюшной тиф. В лазарете царили холод (окна запрещалось закрывать, и ежедневно увлажнялся пол), голод (утром давали желудевый кофе, в обед «суп» из неочищенной брюквы на воде). Хлеб выдавался по норме 1 буханка на 12 человек в день. По ночам зверствовали два немецких охранника, которые за надуманные нарушения забивали «штрафников»-больных, а утром санитары выносили мёртвые тела. В целях ещё большего увеличения смертности в «лазарете» оборудовали специальную комнату, где замораживали ещё живых «штрафников». Смертность в «лазарете» была очень высокой. Наконец, в марте 1942 г. началась выписка «выздоровевших» больных, а проще говоря, выживших. Нам на левой руке накололи номер, соответствующий нагрудному знаку и зачислили в рабочие команды лагеря. Я был назначен на работу в баню. Баня служила санпропускником для вновь поступающих пленным и постоянно обслуживала как и постоянно проживающих в лагере, так и прикрепленные к лагерю команды работающих на фабриках, заводах и сельхозфермах. Я должен был обслуживать душевую с последующей дезинфекцией. Душевая и комната для санобработки представляли собой маленькое

помещение, где ежедневно по 16-18 часов, а иногда и сутками, приходилось дышать тяжёлыми парами, исходившими от грязных тел и едких дезинфицирующих растворов. При этом мне, как и другим работникам бани запрещалось покидать свои рабочие места в течении всей смены, а также вступать в разговоры с пленными, не работающими в бане. Так я проработал до сентября 1944 г.а.

В сентябре 1944го меня и моего напарника арестовали за то, что мы вступили в недозволенный разговор с прибывшими из штрафного барака пленными, и отправили на каменный карьер, который размещался под Берлином, в местечке Рюдерсдорф. Мало кто мог выдержать это наказание и не умереть. Мне приходилось киркой отбивать каменные глыбы от скалы, измельчать их, грузить в вагонетку ёмкостью 0,75 куба и отвозить её до подъёмника. Норма у нас была 35 вагонеток на двоих в смену. За невыполнение следовало наказание розгами. К концу ноября 1944 г., доведённый до полного изнеможения я должен был погибнуть. Но меня спасли двое. Русский военнопленный доктор Синяков Георгий Фёдорович, который начал работать в лазарете, и немец-переводчик капрал Гельмут Чахер. Благодаря им меня перевели обратно в лагерь и поместили в отдельный бокс для больных туберкулёзом, куда немецкий персонал старался не заходить. Всё это стало возможным потому, что к концу 1944 г. изменилось положение на фронтах, и нам, пленным, сделали послабления. Так появились первые русские врачи из числа пленных, хлеб стали давать ежедневно из расчёта 1 буханка на 6 человек и др. В марте 1945 г. я бежал, соединился с передовыми частями Советской Армии. Закончилась война, я демобилизовался и возвратился домой. Завершил прерванную из-за войны учёбу и работал на заводе до выхода на пенсию. В 2007 г. мне исполнилось 90 лет. Я живу с женой. В июне 2008 нам исполнится 60 лет совместной жизни. У нас есть сын, он со своей семьёй живёт отдельно. У них две взрослые дочери. Все они имеют высшее образование, работают, с нами постоянно общаются, помогают.

С уважением,

Илья Эренбург.